

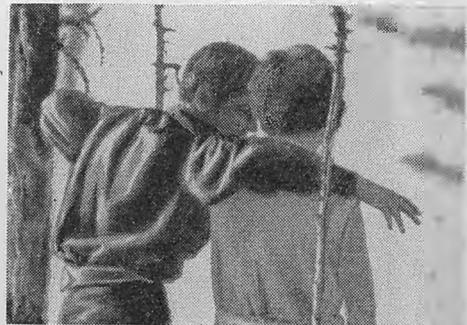
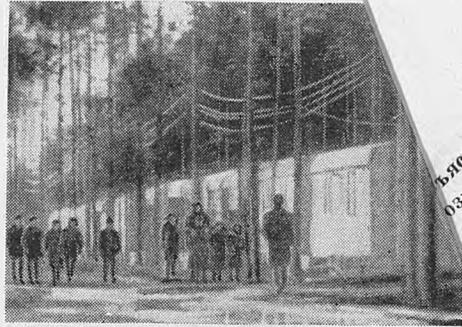
Придя на экран с первыми кадрами фильма «Где-то в пустыне желтой», превосходная степень не исчезает из текста в течение всех десяти минут. Красивый план сменяется еще более красивым, длинный ровный проезд уступает место еще более длинному и безупречно ровному. Город на экране, действительно, очень хорош. Это становится ясным сразу. Однако авторы продолжают настойчиво убеждать нас в этом, убеждать шикарными бассейнами, премилыми детьми, жителями, снятыми через цветы, и цветами, снятыми через жителей.

Но когда на экране возникают грубые инсценировки типа сцены у родильного дома или робеющих перед кинокамерой архитекторов, указывающих перстами в будущее, меня охватывает неловкость. Хочется напомнить авторам, что нельзя в конце шестидесятых годов двадцатого века пользоваться подобными приемами.

А кто же все-таки живет в красивом городе? Что за люди? Кто построил его? Как решаются сложные проблемы, неизбежно сопутствующие городу, возникшему среди пустыни? Почему именно здесь сосредоточилось «все лучшее, что есть в советской строительной технике и архитектуре»?

Операторские планы, из которых составлен фильм, сняты профессионально, искусно. У картины был хороший оператор. Но не было автора. «Свято место пусто не бывает!» — и место автора-журналиста, место живого впечатлительного, вдумчивого человека занял очень активный штамп. Штамп работал за монтажным столом, писал дикторский текст, крутил микшеры на пульте в аппаратной перезаписи...

А город Навои?.. Он живет, растет, трудится, смеется, плачет, думает, решает маленькие и большие проблемы и ждет... хорошего фильма о себе!

Всячески просто
возможностей и
Здесь хочется
меры — и их
так, как и
новые дан
режиссе
фильм
рет